

История СССР за рубежом

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ СССР В США: НЕКОТОРЫЕ ЦИФРЫ И ФАКТЫ

И. М. КРАСНОВ

Программа КПСС характеризует монополистическую буржуазию США как главный оплот международной реакции¹. Американский империализм возглавляет как политическую, так и идеологическую борьбу реакции против социализма, демократии и прогресса.

Огромные усилия апологеты капиталистического строя прилагают к тому, чтобы извратить историю СССР — первой в мире страны социализма. Советские ученые в статьях и монографиях подвергли критическому разбору значительную часть работ американских буржуазных историков, дали отпор целому ряду антинаучных концепций буржуазной историографии².

В данной статье мы остановимся на некоторых аспектах организации работы американских советоведов. В США имеется многочисленная регулярная армия «экспертов по России», десятки учреждений, занимающихся изучением СССР, несколько специальных журналов советоведения. Они существуют благодаря щедрой материальной поддержке монополий и правительства, поддержке, которая является характернейшей чертой организации изучения СССР в США на современном этапе и свидетельствует о прямой зависимости буржуазной науки от монополистического капитала. Данные о связях американских советоведов с монополиями и правительством США помогут лучше понять обусловленность антикоммунистической направленности и фальсификаторского характера их работ по истории СССР.

1. ОРГАНИЗАЦИЯ ИЗУЧЕНИЯ СССР В США

Будучи составной частью американской буржуазной науки, советоведение курируется органами, направляющими изучение общественных дисциплин, — Американским советом научных обществ и Советом по изучению общественных наук. Но есть и более специализированные руководящие центры — Объединенный комитет славяноведения; Американская ассоциация содействия развитию славяноведения; секции по изучению славянских и восточноевропейских стран общеамериканских ассоциаций историков и экономистов; Американская ассоциация преподавателей славянских и восточноевропейских языков.

¹ «Программа и устав КПСС», М., 1962, стр. 55.

² См. «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС», М., 1962, стр. 526—536.

Американский совет научных обществ — одна из старейших организаций, стоящих у руля руссиеведения в США. Уже с 30-х годов она начала проявлять значительный интерес к изучению России и СССР. «Благодаря деятельности Американского совета научных обществ, — пишет славист Мэннинг, — была скоординирована работа различных университетов и колледжей»³. При АСНО был создан специальный Комитет по проверке изучения России, слившийся в 1956 г. с аналогичным комитетом при Совете по изучению общественных наук; в результате образовался Объединенный комитет славяноведения.

Что касается Американской ассоциации содействия развитию славяноведения (ААСРС), то она включает ныне 1500 членов Американской ассоциации историков (насчитывающей 11500 человек). В нее входит ряд региональных ассоциаций, именуемых конференциями, например «Конференция славистов Дальнего Запада» (в марте 1963 г. насчитывала свыше 400 членов), «Среднезападная конференция ААСРС», «Конференция исследователей славистики в южных штатах», «Конференция по изучению советского сельского хозяйства и крестьянства». Существует «Конференция по изучению СССР и коммунизма», входящая в Американскую ассоциацию политических наук.

ЦЕНТРЫ СОВЕТОВЕДИЕНИЯ

Ядро американского советоведения представляют научно-исследовательские институты (они обычно и называются институтами или центрами), имеющие постоянный штат сотрудников и принимающие в аспирантуру выпускников колледжей и университетов, а также лиц, уже работающих в той или иной области науки. Создание и расширение сети этих организаций — характернейшая черта изучения СССР в США после второй мировой войны⁴.

Уже в 1946 г. при содействии и помощи «Фонда Рокфеллера» был создан специальный Русский институт при Колумбийском университете в Нью-Йорке. Первым директором его был Джеройд Робинсон, затем Генри Робертс, ныне Ричард Пайпс. Перед Русским институтом были официально поставлены следующие основные цели: «содействие и развитие научно-исследовательской работы в области социальных и гуманитарных наук, непосредственно относящихся к России и Советскому Союзу; подготовка высококвалифицированных американских специалистов для научной или особой деятельности в качестве специалистов по России и СССР в области торговли и финансов, в области журналистики, в различных правительственных учреждениях и организациях, а также для ведения академических исследований и преподавания общественных наук и литературы»⁵. В распоряжении сотрудников и аспирантов Русского института находится коллекция русских книг библиотеки Колумбийского университета, которая в августе 1959 г. насчитывала свыше 130 тыс. томов (к настоящему времени эта цифра резко возросла). По объему литературы на русском языке эта библиотека лишь незначительно уступает Библиотеке Конгресса и занимает первое место среди университетских библиотек по коллекциям: «экономика», «государство и право», «история» и «литература»⁶.

³ С. А. Manning. A History of Slavic Studies in the United States, Milwaukee, 1957, p. 60.

⁴ См. также И. М. Краснов. Американские научные центры на службе антикоммунизма. («Международная жизнь», 1963, № 8, стр. 50—52).

⁵ С. А. Manning. Op. cit., p. 76.

⁶ «Russian Institute. 1946—1959. Columbia University». Bulletin Series 59, № 34, August 22, 1959, p. 3 (далее: «Russian Institute»). Здесь же указывается, что «свыше 10 тыс. томов в коллекции относятся к истории Коммунистической партии СССР» (стр. 78).

Создание Русского института при Колумбийском университете послужило толчком для организации других аналогичных учреждений. В 1948 г. по инициативе корпорации Карнеги и на ее средства при Гарвардском университете был создан Русский исследовательский центр — один из самых крупных в США⁷. Его первым директором был Клайд Клакхон, которого в 1954 г. сменил Уильям Лэнгер; ныне эту должность занимает Мерл Фейнсон. На Гарвардский центр были возложены обязанности изучать в первую очередь те области, которым ранее почти не уделялось внимания, — историю КПСС, социологию, советскую экономику. «Славянская коллекция» общеуниверситетской библиотеки Гарварда в 1958 г. насчитывала около 65 тыс. названий⁸.

Русский исследовательский центр при Гарвардском университете и Русский институт при Колумбийском университете стали ведущими учреждениями советоведения. Они послужили образцами изучения СССР в других университетах и колледжах, где в 50-х годах начали создаваться аналогичные научно-исследовательские организации, а также специальные программы исследований по русской и советской проблематике. Среди этих организаций следует отметить третий крупный центр славистики — Институт славяноведения Калифорнийского университета (в Лос-Анжелесе и Беркли, Калифорния), а также Институт по изучению Дальнего Востока и СССР при Вашингтонском университете (г. Сиэтл, штат Вашингтон), Русский исследовательский центр Йельского университета (Нью-Хейвен, штат Коннектикут), Центр по изучению международных отношений Массачусетского технологического института (Кембридж, штат Массачусетс), Институт усовершенствования (Advanced Studies) в Принстоне (штат Нью-Джерси), Русский и восточноевропейский институт Университета штата Индиана (г. Блумингтон). При Индианском университете в марте 1963 г. был также создан новый Институт советского и восточноевропейского права. Исследования в области советоведения ведутся также в Чикагском, Иллинойском, Сиракузском, Канзасском университетах, корпорацией «РЭНД»⁹ и другими учебными учреждениями.

Увеличилось число католических центров славистики в США, особенно тех, которые находились и находятся в ведении иезуитского «Общества Иисуса». Если в годы первой мировой войны крупный центр такого рода существовал лишь в одном Джорджтаунском университете, то после второй мировой войны к советоведению приобщились другие цитадели католицизма. Так были созданы Центр по изучению Советского Союза и стран Восточной Европы при Нотр-Дамском университете, Институт по изучению современной России при Фордхэмском университете (Нью-Йорк) и Центр славяноведения при Маркетском университете (Милуоки, штат Висконсин).

В 1961 г. под покровительством «Общества Иисуса» был открыт Институт по изучению СССР и стран Восточной Европы при Университете Джона Кэррола (Кливленд, штат Огайо). Этот институт поставил своей целью «обеспечить разностороннюю подготовку преподавателей средней школы и колледжей в тех областях науки, которые имеют отношение к коммунистической сфере господства, и в особенности в географии, истории, политической науке, экономике, философии, со-

⁷ Более подробно об этом центре см. «История СССР», 1961, № 5, стр. 192—219.

⁸ «Russian Research Center. Harvard University. Ten Years Report and Current Projects. 1948—1958», Cambridge, Mass., p. 6 (далее: «Russian Center»).

⁹ «РЭНД» — сокращенное название от начальных букв английских слов «Research and Development». Корпорация «РЭНД» находится в г. Санта-Моника (Калифорния). Она принадлежит к числу полуправительственно-получастных организаций и, располагая огромными средствами, занимается «научно-исследовательской» деятельностью широкого профиля со специализацией на подготовке закрытых материалов о Советском Союзе по заданию правительственных организаций.

временных языках, культуре, литературе»; в качестве дальнейших задач института называются «сбор и распространение информации» о «русской колониальной политике» и описание «методов советизации»¹⁰.

Представители иудейско-христианской церкви, не пожелав отстать от католиков, создали в 1961 г. свой «Институт по изучению свободы и коммунизма» при Сент-Луисском университете. Перед институтом поставлена задача вести исследования в духе «иудейско-христианской и американской традиций и поддержки принципов западного общества», а также вести «критику коммунизма»¹¹.

Особо следует отметить усиление внимания американской буржуазной науки к вопросам теории марксизма-ленинизма и связи ее с политикой социалистических стран. Осенью 1961 г. были созданы Институт по изучению коммунизма при Колумбийском университете (Нью-Йорк) и Исследовательский институт по вопросам коммунистической стратегии и пропаганды при Южно-Калифорнийском университете (Лос-Анжелос). Первый, возглавляемый профессором Збигневом Бржезинским — ярким противником коммунизма, провозгласил своей целью изучение «мировых аспектов коммунизма и важнейших моментов, характерных для внутреннего развития восточного блока»; в нем представлены «специалисты по Красному Китаю, Советскому Союзу и Восточной Европе». Второй институт занимается разработкой вопросов теории и практики коммунизма для академических и правительственных кругов, а также распространением «авторитетной информации» по этим вопросам среди населения США.

В 1962 г. при Университете Джорджа Вашингтона был создан Институт по изучению Китая и СССР. Директор его Курт Лондон поведал, что в планы института входит выполнение заданий для правительства и организация курсов для правительственных служащих (с полным или частичным отрывом от службы); он заявил также, что программой Института предусматривается подготовка «нового поколения исследователей», способных эффективно анализировать проблемы конфликта между Востоком и Западом¹².

В целом в США ныне насчитывается около 20 учреждений, специально изучающих СССР, страны народной демократии, коммунистическую идеологию. Но картина будет неполной, если не упомянуть о том, что в других университетах и колледжах имеются отдельные кафедры и курсы, а также «программы» по исследованию отдельных проблем истории, экономики и политики нашей страны; кроме того, существует немало правительственных организаций советоведения, армейских академий, школ и так называемых «проектов» изучения советских республик, русского и других языков народов СССР; их продукция обычно носит закрытый информационный характер.

Наконец, следует отметить и эмигрантские организации, приютившие подавленных в науку монархистов, кадетов, меньшевиков, националистов и других врагов большевизма (наиболее преуспевшие из них — Вернадский, Карпович, Мазур, Гершенкрон — в свое время устроились, как известно, в крупнейшей университеты США). Это «Институт по изучению СССР», созданный в 1950 г. на ассигнования пресловутого «Американского комитета освобождения», «Украинская академия искусств и наук в США», «Центр по изучению Средней Европы» комитета «Свободная Европа», «Институт по изучению Литвы»¹³.

¹⁰ См. «Der Donauraum», 1961, 6 Jg., Hf. 7, S. 302.

¹¹ См. «Editorial Research Reports», April 25, 1962, v. I, № 16, 315

¹² См. «Slavic Review» (далее: «SR»), December 1962, № 4, p. 793.

¹³ О цели этих учреждений можно судить по официальной задаче последнего, определенной как «подготовка к решению проблем, которые могут возникнуть при создании независимой Литвы» («The American Slavic and East European Review» (далее «ASEER») December 1959, p. 606—607).

Институты и центры советоведения являются основной кузницей «специалистов по России» в США — из их стен выходит подавляющее большинство магистров и докторов наук, изучающих идеи коммунизма, революционное движение, русскую и советскую историю и экономику. Питомцы этих центров поставляют значительную часть печатной продукции об СССР и коммунизме.

Поскольку подготовка советоведов в американских университетах тесно связана с общим положением, ресурсами, специализацией и традициями последних (почти все организации советоведения возникли, как мы видели, при университетах), небезынтересно познакомиться с некоторыми данными о росте научных кадров в США в области исторических наук в целом. В 1948—1958 гг. степень доктора философии получили 3133 американских историка (историкам в США и Англии присуждается степень по разряду философии). Из них 377 докторов были выпущены Гарвардским университетом, 288 — Колумбийским, 212 — Калифорнийским (Беркли, Лос-Анжелос), 161 — Висконсинским, 155 — Чикагским, 100 — Иельским, 99 — Пенсильванским, 91 — Стэнфордским, 90 — Техасским, 86 — Университетом штата Северная Каролина, 80 — Мичиганским¹⁴.

Удельный вес советоведов в общей массе специалистов по общественным наукам значительно возрос по сравнению с предвоенным периодом. Если в 30-е годы насчитывалось около дюжины американских историков, изучавших Россию (в основном прошлого века)¹⁵, то к началу 50-х годов их число достигло нескольких сотен человек. По далеко неполным данным, к 1952 г. в США только из 2979 опрошенных анкетным путем историков 273 специализировались по СССР и странам Восточной Европы, причем главный предмет их интереса представляла уже не дореволюционная, а социалистическая Россия, изучению которой посвятили себя 96 человек. Дооктябрьским же периодом занимались 65 историков; кроме того, 84 изучали историю СССР в целом и 28 — историю стран Восточной Европы¹⁶. В то же время, по данным отчета, изданного Уэллемеером и Нортон при содействии Совета по изучению общественных наук, к 1953 г. в США было 1085 специалистов по России и восточноевропейским странам. Среди них было 217 историков, 213 представителей так называемых политических дисциплин, куда, помимо теории государства и права, входит также изучение истории внешней политики, и 205 экономистов¹⁷.

Имеются и данные о масштабах подготовки советоведов к концу 50-х годов. По данным официального обзора Подкомитета по проверке изучения России, с 1946 по 1957 г. свыше 500 американцев прошли годичные или более длительные курсы по изучению России, дающие право на получение степени магистра искусств. Окончившие должны были по крайней мере уметь читать по-русски. Около 80 человек получили степень доктора философии и больше 100 готовились к защите докторской степени (среди тех и других были историки, социологи и правоведы). А вот суммарные данные за последние годы. Как свидетельствует У. Лэкер, за столетие с 1850 по 1950 г. в американских университетах было одобрено около 250 докторских диссертаций о России и Советском Союзе. Число диссертаций, защищенных с 1950 г., оценивается в 1000 и, возможно, превысило эту цифру¹⁸.

¹⁴ D. Perkins, J. L. Snell, etc. *The Education of Historians in the United States*. N. Y.—San Francisco—Toronto—London, 1962, p. 111—112.

¹⁵ См. «The American Historical Review» (далее: «AHR»), April 1960, p. 743.

¹⁶ «AHR», January 1956, p. 343.

¹⁷ См. «ASEER», October 1957, p. 384.

¹⁸ См. «ASEER», October 1959, p. 419. Здесь указывается, что с 1946 по 1957 г. в университетах и колледжах США подготовку по истории СССР прошло более двух десятков иностранцев. См. также «Survey», January 1964, p. 47 (примечания).

Ведущее место в подготовке специалистов по России и Советскому Союзу принадлежит Русскому институту при Колумбийском университете и Русскому исследовательскому центру при Гарвардском университете. Русский институт принимает ежегодно в аспирантуру примерно 35 человек. С 1946 по 1948 г. в нем окончили двухгодичные курсы около трехсот слушателей. В 1958—1959 гг. около ста выпускников этого института преподавали в американских университетах и колледжах, причем некоторые из них возглавляли факультеты и отделения¹⁹. В Гарвардском центре за 10 лет (1948—1958 гг.) прошли обучение 57 человек; из них 37 получили докторскую степень и 9 готовились к защите диссертации на соискание этой степени²⁰.

Все эти цифры показывают, что после второй мировой войны в США был налажен регулярный выпуск большого числа советоведов. Однако работа этого конвейера не всегда удовлетворяет самих американцев.

Профессор Индианского университета Роберт Ф. Бирнс в статье «Размышление о подготовке специалистов по России в Америке», указав на «растущую озабоченность нации состоянием образования и научно-исследовательской работы в Америке в соревновании с Россией», привел длинный перечень недостатков в подготовке советоведов. Он писал, что «слишком большой упор делается на техническую формальную сторону дела; у студентов часто отсутствует чувство профессиональной ответственности; многим выпускникам не хватает зрелости и преданности профессии; многие не знают о России ничего, кроме того, что им читали в курсах; другие почти ничего не знают о своей стране»; наконец, «просто устрашающе» велико число тех из них, кто «не знает даже крупных американских писателей и не читает ни журналов, ни газет». Бирнс конкретизирует свои наблюдения: «Отличник четвертого года обучения признался, что он в течение пяти лет не читал ни одной газеты... прекрасный молодой человек, уже получивший степень доктора, не мог назвать ни одного члена кабинета Кеннеди через месяц после его сформирования; специалист по советскому сельскому хозяйству понятия не имел о дискуссии по сельскому хозяйству, которая шла в советской прессе в то время; специалист по истории русской культуры не прослушал курса по русской литературе и, что еще важнее, не прочел даже крупнейшие романы»²¹. Людям, обладающим подобными фактическими «сведениями», предстоит формировать в будущем американское общественное мнение о России. А если — дополняя Бирнса — учесть методологическую направленность университетских курсов, то мы поймем, что и прилежный студент будет обладать знаниями о России весьма особого рода — необходимыми прежде всего для антисоветской и антикоммунистической пропаганды.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ОРГАНЫ СОВЕТОВЕДЕНИЯ

Если до второй мировой войны единичные исследователи, специализировавшиеся по России и СССР, знали, что нужно обладать большой эрудицией и трудолюбием для того, чтобы опубликовать результаты своих исследований в виде монографии, то в послевоенный период создание и расширение ряда специальных периодических органов славяноведения и советоведения открыли дорогу в печать карьеристам, обладавшим лишь политическим нюхом и понимавшим, какого рода «исследований» ждали от них правящие круги США.

¹⁹ «Russian Institute», p. 3.

²⁰ «Russian Center», p. 8.

²¹ «SR», September 1962, p. 493.

Из выходящих в США журналов в данной области прежде всего следует отметить имеющее самый солидный стаж «Американское обозрение славянских и восточноевропейских стран», переименованное с конца 1961 г. в «Славянское обозрение» („Slavic Review”). Это ежеквартальный орган «Американской ассоциации содействия развитию славяноведения» объемом в 200 с лишним страниц, выпускаемый в издательстве Колумбийского университета. Он объединяет наиболее авторитетных «экспертов» по СССР: в его редакционный совет и редколлегию в разное время входили и входят Д. Хазард, Д. Тредголд, З. Бржезинский, Гарольд Фишер, Д. Робинсон, О. Халецкий, Э. Симмонс, Д. Вернадский, Ф. Баргоорн, А. Бергсон, С. Блэк, Д. Кертис, Ф. Мосли, Г. Робертс, Глеб Струве, Г. Гроссман, М. Шульман. «Славянское обозрение» явно задает тон в изучении истории СССР и других социалистических стран в США²².

Следует упомянуть далее «Русское обозрение» («The Russian Review»), тесно связанное с наиболее реакционной эмиграцией и противниками коммунизма в США,— это обстоятельство обусловило яро антисоветский характер публикуемых в нем материалов. Достаточно характерна уже опубликованная формулировка его цели: «интерпретация действительных целей и чаяний русского народа, расходящихся с советским коммунизмом и противостоящих ему». В «Русском обозрении» постоянно работают и сотрудничают У. Чемберлин, Ральф Фишер, У. Уолш, Алексис Вирен, Серж Зеньковский, Д. фон Мореншильдт (редактор).

В 1952 г. американские советоведы получили еще одну трибуну для антикоммунистических выступлений в печати — журнал «Проблемы коммунизма» («Problems of Communism»), выпускаемый Информационным агентством США раз в два месяца. Статьи в этом органе, как правило, представляют густок наиболее грязных антикоммунистических вымыслов. Не так давно, в июле 1962 г., начал выходить еще один журнал, ставящий целью борьбу с коммунистической идеологией, «Communist Affairs», издаваемый Институтом по изучению коммунистической стратегии и пропаганды при Калифорнийском университете (в Лос-Анжелесе). Он также выпускается раз в два месяца, объем его равен примерно 2 печатным листам. Редактируют журнал директор вышеупомянутого института Р. Суиринген и старший научный сотрудник Ч. Маламут.

Кроме того, периодические издания выпускает целый ряд центров советоведения. Например, Стэнфордский университет издает «Pacific Asiatic and Russian Studies», Университет имени Джорджа Вашингтона — «Russian Area Studies», Сиракузский университет (штат Нью-Йорк) — «Russian Studies»; Институт славяноведения при Калифорнийском университете — «Slavic Studies», Институт по изучению Дальнего Востока и СССР при университете штата Вашингтон (в Сиэтле) — «Studies on Asia». Американская ассоциация преподавателей славянских и восточноевропейских языков (которую К. Мэннинг охарактеризовал так: «в ее составе много эмигрантов, и этим объясняется более ярко выраженная антикоммунистическая позиция этой группы») ²³ издает ежеквартальник «Slavic and East European Journal» в Индианском университете. Некоторые эмигрантские организации имеют свои печатные органы: так, «Украинская академия искусств и наук в США» с 1951 г. два раза в год публикует «Анналы» («The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the US»).

Наконец, материалы по истории СССР, особенно советского перио-

²² См. «История СССР», 1962, № 3, стр. 179—191.

²³ С. А. Manning. Op. cit., p. 70.

да, нередко можно встретить на страницах таких журналов, как «The American Historical Review» (ежеквартальник Американской ассоциации историков)²⁴; «The Journal of Modern History» (ежеквартальник, издаваемый Чикагским университетом совместно с Американской ассоциацией историков); «Current History» (ежемесячный орган газеты «The New York Times»)²⁵; «Foreign Affairs» (орган Совета внешних сношений); «Political Science Quarterly» (ежеквартальник Академии политических наук); «The American Political Science Review» (ежеквартальник Американской ассоциации политических наук).

Заметим, что имеется и ряд международных периодических изданий, посвященных СССР. В 1962 г., например, был создан новый ежеквартальник «Studies in Soviet Thought» («Изучение советской мысли»), выходящий в Голландии. Большая часть статей в нем публикуется на английском языке, другие — на немецком и французском. Первым редактором был избран И. Бохенский, в числе консультантов редакции фигурируют и американцы Н. Лобкович и К. Витфогель. Международным является фактически и издаваемый «Конгрессом за свободу культуры» двухмесячный журнал «Survey» («Обозрение»; до 1962 г. назывался «Soviet Survey»). Он печатается в Лондоне, но широко распространяется в США и других западных капиталистических странах. Пишут в нем преимущественно американские авторы.

Еще более характерно, что американские советоведы все чаще и шире оккупируют страницы не только международной периодики, но и периодических изданий других стран. Так, в № 2 журнала «Soviet Studies» (орган университета Глазго) за 1963 г. материалы американцев Г. Гроссмана, Н. Ясного и других заняли почти 60% всей площади. Такая же картина обнаружилась в январском номере 1964 г. И эти примеры не единичны.

КОНФЕРЕНЦИИ АМЕРИКАНСКИХ СОВЕТОВЕДОВ

В США публикуются каждый год сотни статей по тем или иным аспектам нашей истории. Они дополняются десятками монографий, издаваемых как частными издательствами, так и самими университетами. Русский исследовательский центр в Гарварде за годы своего существования выпустил примерно 50 книг; Русский институт в Колумбийском университете — более 30. Мы не ставим целью дать характеристику всей этой массы печатной продукции американских советоведов. Но стоит подробнее остановиться на еще одной форме их деятельности, не привлекавшей, кстати сказать, особого внимания советских ученых.

Речь идет о разного рода конференциях, сессиях, семинарах и симпозиумах, участники которых выступают с докладами по русской и советской тематике (многие из этих докладов затем воплощаются в статьи и главы монографий). Ознакомление с программами конференций американских советоведов показывает особенно наглядно, каким проблемам уделяется основное внимание в американской историографии СССР. Вот ряд примеров.

На сессии Американской ассоциации историков, проходившей 28—30 декабря 1957 г. в Нью-Йорке под председательством Ф. Мосли, обсуждалась тема «Вильсон, Ленин и освобождение Восточной Европы». В докладах В. Маматея, И. Ледерера и Л. Гersona превозносился вклад «Америки Вильсона» в победу союзников, национальное освобождение Чехословакии, Югославии и Польши и почти полностью от-

²⁴ См. «Вопросы истории», 1962, № 1, стр. 194—199.

²⁵ См. «Вопросы истории», 1958, № 6, стр. 149—162.

рицалось влияние Октябрьской революции на национально-освободительные процессы в странах Восточной Европы²⁶. На сессии этой же ассоциации четыре года спустя, в 1961 г., фигурировала тема: «Захват власти коммунистами в России, Чехословакии и Китае». Весь доклад Р. Дэниэлса пронизывала навязчивая идея о «большевистском заговоре», характерная для его собственных писаний и американской буржуазной историографии в целом. Вообще, как сообщает журнал «The American Historical Review», «вопросам истории России, славян и коммунизма на конференции 1961 года уделялось больше внимания, чем обычно». Государственный секретарь Дин Раск произнес на завтраке для участников сессии спич о «коммунистической угрозе», закончившийся уверениями о том, что «время на стороне Запада»²⁷.

В ноябре 1958 г. Институт славяноведения при Маркетском университете (Милуоки) и Совет по изучению социальных наук провели конференцию, посвященную «национальному коммунизму». Теме «Национализм и коммунизм» была посвящена также ежегодная сессия конференции славистов Дальнего Запада, проходившая в апреле 1959 г. под председательством Г. Г. Фишера. Здесь на четырех семинарах («Национализм в России и Восточной Европе»; «Национализм и коммунизм в государственной политике коммунистических стран»; «Коммунизм и восточноевропейский национализм»; «Коммунизм и азиатский национализм») были зачитаны и обсуждены 16 докладов²⁸.

На конференции историков-славистов 1958 г. в Вашингтоне Д. Робинсон сделал доклад «Коммунист, индивидуалист и машина». Там же под председательством Р. Пайпса проходил симпозиум на тему «Западная культура в восточных странах». Тема «Коммунистический блок в 1980 г.: как XXII съезд представляет будущее» обсуждалась на конференции историков Среднего Запада, состоявшейся в апреле 1962 г. в Висконсинском университете²⁹.

На целом ряде совещаний обсуждались различные проблемы советской экономики, непрерывный подъем которой все больше тревожит капиталистическую Америку. Так, «тенденции и перспективы советской экономики» были в центре внимания конференции Американской ассоциации экономистов, состоявшейся в Чикаго в декабре 1958 г. Были заслушаны доклады «Развитие промышленности» Ф. Ситона; «Советское экономическое соревнование с зарубежными странами» Д. Берлинера; «Перестройка промышленности в 1957 г.» О. Хефдинга.

Теме «Советское сельское хозяйство и крестьянство» была посвящена международная конференция в сентябре 1962 г., организованная «Комитетом по изучению славянских и советских земель» (Slavic and Soviet Areas Committee) Канзасского университета при участии «Американского агрономического общества» и «Русской программы Иллинойского университета» («Russian Program of the University of Illinois») ³⁰. «Колониализм в советско-русском стиле» — так называлась «тема» конференции, организованной Институтом по изучению СССР и стран Восточной Европы при Университете Джона Кэррола в июне 1962 г., на которой выступили с докладами небезызвестный Ганс Кон, директор института М. Пап и другие «знатоки» обсуждавшегося вопроса³¹.

Американские советоведы принимают участие и в международных конференциях по СССР и коммунизму. Вместе со своими коллегами

²⁶ См. «AHR», April 1958, p. 824.

²⁷ См. «AHR», 1962, p. 863, 874.

²⁸ См. «The Journal of Central European Affairs», October 1959, p. 299.

²⁹ «SR», September 1962, p. 583.

³⁰ «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», December 1962, Hf. 4, S. 636; «The American Political Science Review», March 1963, p. 249.

³¹ «SR», December 1962, p. 791.

из ФРГ, Англии, Австрии, Австралии, Голландии, Швеции и Швейцарии в феврале 1961 г. они съехались в Кёльн для участия в так называемой «Международной рабочей сессии». Эта сессия рассматривала следующие сюжеты: «Идеологическая борьба в восточном блоке», «Попытка коммунизма приспособиться к современному научному и общественному развитию», «Ревизионистские течения в коммунистических странах». Руководили «дискуссией» И. Бохенский, Л. Шапиро и другие активные воители с коммунизмом³².

Осенью 1962 г. в Греции (близ Афин) проходила международная конференция буржуазных советоведов, инициатором которой был профессор Курт Лондон из американского университета Джорджа Вашингтона. Конференция была посвящена проблеме «Неприсоединившиеся афро-азиатские государства в разделенном мире»; в ее работе участвовало около 60 человек из США, ФРГ, Японии, Греции и других стран. Судя по опубликованному отчету З. Бржезинского, дискуссия развернулась вокруг тем: «Воздействие коммунистического учения на неприсоединившиеся страны», «Отношение неприсоединившихся стран к коммунистическому блоку», «Роль сельского хозяйства», «Перспективы». Плоды ее, однако, были неутешительны для политиков и идеологов антикоммунизма. Заявив, что «внимание конференции привлекла судьба казахов, узбеков и азербайджанцев под советским господством», Бржезинский тут же с горечью констатировал, что, «по-видимому, ни одно из возможных определений советского господства не будет иметь никакого значения для неприсоединившихся стран, поскольку СССР выступает в их глазах как поборник антиколониализма»³³.

Эти и подобные форумы антикоммунистов наводят на вопрос: каким образом ученые из разных стран могут довольно часто собираться в различных точках земного шара, порой весьма отдаленных от их родных мест. Известно, что их приглашают не международные ассоциации, объединяющие ученых их профессий. Кто же оплачивает потраченное ими время и издержки путешествий?

Ответ на этот вопрос подводит нас к основной теме статьи — связи буржуазной науки с правящими кругами капиталистических государств; ибо расходы на организацию, например, конференции в Кёльне взял на себя «Фонд Рокфеллера» — точно так же, как этот и другие монополистические фонды финансируют содержание, обучение и выступления в печати американских «экспертов по России».

II. СОВЕТОВЕДЕНИЕ И МОНОПОЛИИ США

На попечении «Фонда Рокфеллера» находятся Колумбийский, Гарвардский, Калифорнийский и многие другие университеты и институты. Фонд располагает огромными средствами. По сообщению «The New York Times», он был создан Джоном Рокфеллером (младшим), еще при жизни выделившим на «благотворительные» цели 59 млн. долларов. По завещанию же Рокфеллера (он умер в мае 1959 г.) фонд получил половину его состояния, исчислявшегося в 150 млн. долларов. Фондом руководит администрация из 9 человек, в том числе губернатор штата Нью-Йорк Нельсон Рокфеллер, четыре его брата и сестра³⁴.

Но, пожалуй, наиболее щедрые субсидии буржуазная наука США получает от другого крупнейшего монополистического фонда, носящего имя Форда. В 1962 г. этот фонд выделил 800 тыс. долларов Американскому совету научных обществ на исследование Азии и Восточной Европы. В 1960 г. он же предоставил долгосрочные субсидии в 15 с

³² См. «Osteuropa», April—May 1961, Hf. 4—5, S. 391.

³³ «Osteuropa», 1963, Hf. 2—3, S. 153.

³⁴ «The New York Times». Printed in Amsterdam, Sept. 9, 1960, p. 1

лишним миллионов долларов трем ведущим университетам: Гарвардскому — 5,6 млн долларов, Колумбийскому — 5,5 млн, Калифорнийскому — 4 млн³⁵. Одновременно десять других университетов и колледжей, а также четыре европейских института получили 3 261 500 долларов на исследовательскую и преподавательскую деятельность, связанную с «изучением географических районов»; из них университету штата Мичиган достался 1 млн долл., Сиракузскому университету и университетам Питтсбурга и штата Орегон вместе — 800 тыс. долларов, Массачусетскому технологическому институту — 225 тыс.³⁶

Значительная часть этих средств предназначена на изучение Советского Союза, Восточной Европы, Восточной Азии. Так, именно на средства «Фонда Форда» в рамках Колумбийского университета в октябре 1961 г. был создан упомянутый Институт по изучению коммунизма. В марте 1962 г. журнал «Slavic Review» сообщил, ссылаясь на заявление Р. Бирнса, что «Фонд Форда» предоставил этому институту субсидию на 10 лет в миллион долларов³⁷. Центр по изучению России при Мичиганском университете получил от «Фонда Форда» 250 тыс. долларов на пять лет³⁸. «Фонд Форда» выделил также в 1962 г. 3 250 тыс. долларов Корнельскому университету и 1 200 тыс. — Висконсинскому университету, который намерен использовать эти средства главным образом на осуществление программ по изучению Латинской Америки, Индии и Советского Союза³⁹.

В 1963 г. в распоряжение Американской ассоциации содействия развитию славяноведения и Совета по изучению общественных наук предоставили свои средства ряд фондов (Рокфеллера, Национальный научный фонд и др.)⁴⁰. Университеты штатов Канзас, Орегон и Вашингтон получили от «Фонда Форда» 500 тыс. долларов на исследование международных проблем. Канзасский университет предполагает главную часть средств направить на изучение СССР, стран Латинской Америки, Восточной Европы и Азии⁴¹.

На что же идут предоставляемые монополиями средства? Возьмем в качестве примера шкалу расходов Института по изучению России и Восточной Европы при Индианском университете, который, как мы уже знаем, получил от «Фонда Форда» миллион долларов. Около одной пятой всей суммы (200 тыс. долларов) предполагалось использовать на подготовку научных исследований и командировки сотрудников института. 400 тыс. долларов отводились на стипендии аспирантам (число стипендиатов возросло с 27 в 1959/60 гг. до 65 в 1960/61 гг.) на содержание штата — примерно 130 тыс. долларов и 150 тыс. на оплату услуг преподавателей, привлекаемых со стороны. Оставшиеся средства должны были пойти на пополнение библиотеки материалами по Советскому Союзу и Восточной Европе⁴².

Примерно так же распределяются субсидии этого и прочих фондов другим научно-исследовательским и учебным заведениям. Однако денежные пособия могут получать не только организации, но и отдельные ученые. Обычно эта мзда называется стипендиями или премиями; ее размеры колеблются от 3 тыс. до 10 тыс. долларов в год. Так, в 1960—1961 гг. «Фонд Форда» предоставил пособия 180 лицам, изучавшим различные проблемы истории и экономики СССР, Восточной Ев-

³⁵ «ASEER», December, 1960, p. 630; «SR», March 1962, p. 192.

³⁶ Там же p. 630, 631.

³⁷ См. «SR», March 1962, p. 194.

³⁸ Там же, September 1962, p. 587.

³⁹ Там же, December 1962, p. 792.

⁴⁰ Там же, March 1963, p. 192.

⁴¹ См. «AHR», October 1963, p. 297.

⁴² «SR», March 1962, p. 194.

ропы и других стран. Среди них были не только американцы, но и канадцы, не только аспиранты, но и специалисты, готовящие докторские диссертации.

Возникает вопрос: какими критериями отбора стипендиатов руководствуются фонды при таком обилии кандидатов? Что принимается во внимание — одаренность, положение в обществе, связи? По-видимому, и то, и другое, и третье. Но решающую роль, бесспорно, играют «актуальность» темы, на разработку которой идут доллары монополий, и политический характер этой разработки. Как откровенно заявил видный американский историк Артур Шлезингер, основываясь на свидетельствах своих коллег, «фонды предпочитают субсидировать те проекты, которые дают ответ на специфические современные проблемы»; при этом они зачастую просто не принимают во внимание «задачи исторической науки и ее значение для дела культуры»⁴³. Со Шлезингером согласился секретарь Американской ассоциации историков и главный редактор журнала «The American Historical Review» Бойд Шефер, объяснивший щедрость фондов тем, что ученые представляли «удачные проекты... необходимых мероприятий»; причем финансировались, пояснил он, только «специально оговоренные проекты и мероприятия»⁴⁴.

Назовем темы работ хотя бы некоторых из облагодетельствованных фондами лиц: Г. Арон изучал советскую экономику (Гарвардский ун-т); Д. Брауэр завершил докторскую диссертацию о международном коммунизме (Колумбийский ун-т); Д. Азраель работал над докторской диссертацией о «политическом влиянии индустриализации в Советском Союзе» (Гарвардский ун-т); Б. Олман разрабатывал тему «Влияние концепции Маркса о человеческой природе на развитие коммунистической теории» (Чикагский ун-т)⁴⁵. Несколько ранее субсидии получили Р. Дэниэлс (Вермонтский ун-т) на исследование «социальной и интеллектуальной политики в Советском Союзе в 1929—1937 гг.» и В. Маматей (Флоридский ун-т) по теме «Дипломатия, пропаганда и партийная политика России в Восточно-центральной Европе в 1914—1920 гг.»⁴⁶.

Стипендии из средств фондов могут присуждать и координирующие организации. Так, Объединенный комитет Американского совета научных обществ и Совета по изучению общественных наук выделил в 1962 г. 19 крупных субсидий для специалистов по славянским и восточноевропейским странам, в том числе Р. Бирнсу, Д. Флоровскому, Р. Пирсу. В 1958—1959 гг. поощрительную премию в размере 10 тыс. долларов получил Д. Вернадский. Американский «Совет по исследованиям в области социальных наук» предоставил почетные стипендии Д. Фишеру — на изучение «документов архива Троцкого» и Э. Гейдену на сбор материалов о «консервативном национализме в России в период 1800—1917 гг.»⁴⁷.

Немалые средства фонды тратят на содержание русской белоэмиграции, буржуазных националистов, а также меньшевиков, эсеров и троцкистов. Один из ведущих — и реакционнейших — славистов США К. Мэннинг писал в 1957 г.: «В Нью-Йорке создан целый ряд организаций для оказания помощи ученым, эмигрировавшим из стран, освобожденных после первой мировой войны, и для подготовки новых специалистов. Это Исследовательский центр по странам Средней Европы. Его двойники — радио «Свободная Европа», а среди университетов США — Программа исследований по странам Средней Европы в Ко-

⁴³ См. «АНР», April 1958, p. 830.

⁴⁴ Там же, стр. 840.

⁴⁵ «ASEER», December 1960, p. 631—32.

⁴⁶ «АНР», 1959, p. 1077—1078.

⁴⁷ «АНР», June 1959, p. 1077—1078.

лумбийском университете». Мэннинг предъявил претензии и «руке дающей» — упрекнул «Восточноевропейский фонд» за имевшее раньше место предпочтительное финансирование «ученых» из русской эмиграции в ущерб «представителям» нерусских народов. Однако тут же он с удовлетворением отметил, что положение дел в этой области «исправляется»⁴⁸.

Американские ученые любят утверждать, будто монополии не оказывают влияния на характер их исследований. Но эти уверения далеки от истины. В мире капитала твердо придерживаются правила: «кто платит за стол, тот и заказывает музыку». Профессор Р. Уормсер в книге «Фонды: их власть и влияние» откровенно пишет, что фонды «подчинили себе общественное мнение и в значительной степени определили внешнеполитические задачи нашей страны... Влияние всей системы фондов, занимающихся международными вопросами, широко распространилось на правительство, на те круги конгресса, которые делают политику, и на государственный департамент»⁴⁹. Надо ли говорить, что непосредственно финансируемые фондами научные учреждения тем более подчинены этому влиянию.

III. СОВЕТОВЕДЕНИЕ И ПРАВИТЕЛЬСТВО США

Буржуазная наука имеет непосредственные контакты и с правительственными кругами: после второй мировой войны правительство Соединенных Штатов проявляло все возрастающую заинтересованность в изучении Советского Союза, социалистической системы и коммунистической идеологии.

Поощряя изучение СССР, правительство и «большой бизнес» США преследовали двоякую цель — создание в широких кругах общественности извращенного представления о сути и целях коммунизма и получение возможно более полных сведений о политическом и идеологическом противнике. Значительная часть научных сил Русского исследовательского центра при Гарвардском университете, Русского института при Колумбийском университете и др. использовалась для выполнения специальных заданий Конгресса США и различных органов федеральной администрации. Наиболее бурную деятельность по привлечению академических кругов на службу официальной политике развил Пентагон. Военные министерства начали систематически заключать контракты с научно-исследовательскими центрами на поставку для них информации о Советском Союзе и странах народной демократии. В докладе Национального научного фонда, озаглавленном «Государственная организация научно-исследовательской работы в США», говорится, что «с 1947 г. все три военных министерства (т. е. министерства армии, военно-морских и военно-воздушных сил.— И. К.) широко пользовались работами по контрактам, что представляет собой один из методов ведения исследований, впервые примененный Управлением научных исследований и разработок в годы второй мировой войны. Подобная практика предполагает, что тот или иной научно-исследовательский центр выполняет работы по контрактам, обычно в государственных научно-исследовательских учреждениях»⁵⁰.

В этом же труде далее сообщается, что «к началу 1955 года действовало около двух десятков подобных научных исследовательских центров, работавших почти исключительно на три военных министерства. Характер контрактов, заключаемых военными министерствами с

⁴⁸ С. А. Manning. Op. cit., p. 78—79.

⁴⁹ Rene A. Wormser. Foundations: Their Power and Influence, New York, 1958, p. 200—201.

⁵⁰ «Государственная организация научно-исследовательской работы в США», пер. с англ., М., 1961, стр. 28.

университетами, прочими некоммерческими организациями или коммерческими концернами, в ведение которых передаются такие центры, позволяет руководителям последних выполнять свои программы без многих административных ограничений, накладываемых на научную работу в государственных учреждениях».

Типичным примером «научно-исследовательской работы» по заказу Пентагона является опрос так называемых «перемещенных лиц», проводившийся в течение 4 (!) лет (с июня 1950 по ноябрь 1954 г.) Русским исследовательским центром в Гарварде. Сотрудники гарвардского центра признавали, что этот опрос отнял у них «значительную часть энергии». А вот что сообщает официальный отчет: «Исследования проводились согласно контракту № AF 33 (038)—12909, заключенному с Лабораторией по исследованию методов воспитания офицерских кадров (Officer Education Research Laboratory) на Мэксуэллской военно-воздушной базе, Монтгомери, Алабама. Основные данные для этого исследования были получены группой из 20 интервьюеров, которые провели почти год в Мюнхене, опрашивая бывших советских граждан, чтобы получить более подробную картину многих сторон жизни в Советском Союзе. 336 историй жизни, 375 интервью по специальным вопросам и более 1200 письменных вопросников было собрано в Мюнхене и во время контрольного исследования в Нью-Йорке. Из этого материала Военно-воздушным силам были переданы 50 основных отчетов (подчеркнуто нами.—И. К.). Главное значение этого исследования заключалось в том, что оно впервые дало возможность группе научных работников в области истории, экономики, политики, социологии, антропологии и социальной и клинической психологии взяться за исследование такой обширной проблемы как характер советской общественной системы. Поэтому этот проект послужил значительным стимулом для дальнейших исследований в области социальных отношений в СССР. Значительная часть его материалов была опубликована в виде книг и статей»⁵¹.

Центры советоведения не только снабжают государственную машину информацией по актуальным политическим вопросам, но и поставляют государственным организациям консультантов и всякого рода «экспертов» по проблемам, относящимся к СССР, социалистической системе и коммунизму. Осведомленный американский журнал пишет: «В течение послевоенного десятилетия почти три четверти студентов, окончивших специальные курсы по России... стали работать преподавателями (20%), научными работниками в академических и правительственных учреждениях (25%), либо заняли места на государственной службе, связанные со специализацией по России (27%)...»⁵².

Русский институт при Колумбийском университете в официальном отчете о своей деятельности за 1946—1959 гг. сообщил, что из трехсот лиц, окончивших институт и получивших степень магистра, примерно половина поступила на работу в правительственные учреждения⁵³. На службе правительства находится и ряд докторов философских и исторических наук. Так, из 37 лиц, получивших докторскую степень в Русском исследовательском центре при Гарвардском университете с 1948 по 1958 гг., четверо поступили на государственную службу⁵⁴. Правительство нередко посылает сотрудников своего аппарата на учебу в центры советоведения. Например, в том же гарвардском центре проходили специальную подготовку Л. Бучивер, Д. Фиске из госдепартамента США и А. Горелик из вашингтонской администрации. 16 чело-

⁵¹ «Russian Center», p. 7.

⁵² «ASEER», October 1959, p. 420.

⁵³ «Russian Institute», p. 3.

⁵⁴ «Russian Center», p. 6.

век, посланные на учебу в Центр корпорацией Карнеги, также работали в правительственных органах⁵⁵.

Однако ошибочно было бы думать, что инициатива в стремлении максимально поставить общественные науки на службу империалистической политике проявлялась исключительно правящими кругами США. Наиболее враждебные коммунизму представители буржуазной науки всегда были сторонниками официального согласия ее с буржуазной политикой. В периоды обострения международной обстановки они открыто олицетворяли себя с империалистическими кругами, призывая к поддержке правительственных акций,— как это сделал, например, в 1949 г. президент Американской ассоциации историков К. Рид: «Мы должны бороться с врагом... Либеральная позиция нейтральности, подход к общественному развитию с позиций бесстрастного бихевиоризма уже недостаточны. Туманные ответы больше уже не удовлетворяют нашим требованиям позитивных гарантий. Тотальная война, горячая или холодная, втягивает всех и обязывает каждого в ней участвовать. Историк не менее свободен от такой обязанности, чем физик»⁵⁶.

Смысл пространной «президентской речи» прост: американские буржуазные историки должны отбросить в сторону последние остатки объективности в угоду интересам «большого бизнеса» и целиком посвятить себя борьбе против коммунизма.

Мы знаем, к чему привела антикоммунистическая истерия в годы маккартизма: многие профессора, не пожелавшие участвовать в «горячей или холодной тотальной войне», были подвергнуты ostracismu вплоть до увольнения со службы. Преемник Рида на посту президента Американской ассоциации историков М. Керти вынужден был осудить «охоту на ведьм» в академическом мире. «Нынешнее наступление на разум,— заявил он на банкете Ассоциации в 1954 г.— ставит под угрозу не только умственную жизнь, но и самую американскую цивилизацию»⁵⁷.

Однако, хотя репрессии в отношении «нелояльных» ученых и стихли в США в последующие годы, есть все основания полагать, что, с точки зрения широкой перспективы, мечты Рида о полном сближении американской науки с политикой сбываются в современном американском обществе. Последнее десятилетие было десятилетием новых побед сил прогресса и поражений империализма. Естественно, что потребность правящих кругов США в услугах буржуазной науки для «теоретически обоснованной» борьбы против коммунизма еще более возросла. В официальном документе «Оценка исследовательской работы по России в США», опубликованном в 1959 г. специальной комиссией под председательством С. Блэка, говорится: «Сейчас начинают понимать, что изучение России настоятельно необходимо с точки зрения национальных интересов... Интерес широких кругов к России и к русскому языку сейчас выше, чем когда-либо в прошлом, и состояние общественного мнения более благоприятно для развития россиеведения, чем когда-либо раньше. Многие общественные деятели и деятели просвещения считают, что знакомство с Западной Европой и Северной Америкой недостаточно, чтобы подготовить американцев к решению проблем следующей половины столетия и что наш кругозор должен быть расширен за счет знакомства с Россией и с остальными странами мира. Принятие закона о воспитании в целях национальной обороны явилось в значительной степени отражением такого рода настроений»⁵⁸.

⁵⁵ Ibid., p. 99—100.

⁵⁶ «AHR», vol. IV, № 2, 1950, p. 283.

⁵⁷ «AHR», January 1955, p. 277.

⁵⁸ См. «ASEER», October 1959, p. 426.

Закон о воспитании в целях национальной обороны (National Defence Education Act.), о котором говорит доклад комиссии Блэка, представляет важную веху на пути дальнейшего укрепления зависимости американской буржуазной науки в целом и советоведения, в частности, от империалистической политики. Он был принят Конгрессом в 1958 г. и оказал существенное влияние на развитие советоведения в США. Как уже упоминалось, в 1961 г. был создан Институт по изучению коммунизма при Колумбийском университете — самое крупное, но далеко не единственное учреждение такого рода. Центры по изучению России, Восточной Европы и коммунизма возникли в университетах штатов Мичиган, Орегон, Огайо и даже на Гавайских островах. Это означало резкое увеличение как числа советоведов в США, так и объема печатной продукции, посвященной русской и советской истории. Для координации исследовательской работы государством в декабре 1958 г. был учрежден специальный подкомитет при Объединенном комитете славяноведения (Subcommittee on Government—Academic Relations), председателем которого стал профессор Роберт Ф. Бирнс из Индианского университета.

Показательным примером того, какие плоды принесло единение науки и политики в США в конце 50-х годов, служит издание «Внешняя политика Соединенных Штатов. СССР и Восточная Европа», подготовленное по просьбе сенатской комиссии по иностранным делам научно-исследовательской группой сотрудников Колумбийского и Гарвардского университетов. Затяжной кризис американской внешней политики побудил сенаторов обратиться за помощью к научным кругам. Для проведения исследований комиссии было предоставлено право «использовать опыт, знания и советы частных организаций, школ, институтов и отдельных лиц», а также «заключать контракты для этой цели», на что были выделены ассигнования в сумме 300 тыс. долларов⁵⁹. И вот в правительственной типографии на 90 страницах были отпечатаны сугубо «научные» рекомендации, среди них и доклад под № 11 о политике США в отношении СССР и стран народной демократии.

Что же ученые мужи рекомендовали сенату? Скажем прямо, пороха они не изобрели — да и не могли изобрести. Но они знали, что для укрепления связей с политическими кругами и роста доверия к ним в правительственных сферах им необходимо частично подтвердить уже сложившиеся догматы американской внешней политики, а частично высказать неудовлетворенность текущим положением дел. Первое доказывало бы их лояльность, второе — значимость «научной разработки» политических программ. И мы читаем в данном издании: «Было бы ошибкой предполагать, что советская система непогрешима. Поэтому мы всегда должны быть начеку в отношении возможностей, которые представляют ее недостатки и противоречия». Надо всячески обрабатывать налогоплательщиков, надо сделать их «достаточно информированными и зрелыми, чтобы они могли с готовностью поддержать обременительные расходы и пойти на жертвы» и таким образом «ответить на смертельный и непрерывный вызов советской системы»⁶⁰.

Услугами американских советоведов пользуются и столпы внутренней реакции. Так, в 1958 г. по заданию Сенатской комиссии по контролю за выполнением закона об обеспечении внутренней безопасности Библиотека Конгресса подготовила специальную «справку» под названием: «Советская империя — тюрьма народов и рас». Эта клеветническая стряпня, рассчитанная на оболванивание американцев, на разжи-

⁵⁹ «United States Foreign Policy. USSR and Eastern Europe», Washington, 1960, p. V—VIII.

⁶⁰ Ibid., p. 1—2.

гание ненависти к СССР и ухудшение американско-советских отношений, также была напечатана в правительственной типографии.

Таким образом, не только характер трудов американских буржуазных ученых, но и факты их непосредственных контактов с правительственными кругами опровергают утверждения, будто они стоят «вне политики».

* * *

Приведенные выше некоторые основные факты и цифры, естественно, не дают представления о содержании исследований американских советоведов — обо всех выбираемых ими темах, их концепциях и методах. Но данные о зависимости буржуазной историографии от монополистических фондов, о смыкании буржуазной науки с миром реакционной буржуазной политики помогают лучше понять и общую направленность выбора этих тем, и предвзятость концепций. Эта предвзятость бросается в глаза даже многим буржуазным наблюдателям Запада. Говоря о теоретизированиях американских авторов по поводу мифической «угрозы Кремля», английский журнал «The Economist» писал: «К значительной части продукции этого источника идей, стимулируемого как частными, так и официальными источниками, относятся весьма скептически и недоверчиво»⁶¹. В одном из интервью Бертран Рассел заявил, что в США из публичных библиотек изымались книги, которые давали бы правильную информацию о России⁶².

Вопросы качества изучения СССР в США рассматривались и самими американскими советоведами. Так, на конференции Американской ассоциации историков в 1958 г. состоялась сессия по теме «Преподавание русской истории в колледжах» (на ней был прочитан доклад об интерпретации истории России в американской историографии); в 1959 г. на очередном ежегодном собрании Американской ассоциации политических наук, под председательством М. Фейнсода, обсуждалась тема «Изучение СССР и коммунизма» (докладчики говорили о проблемах и методике преподавания курсов советской внешней политики)⁶³. Больше того, в течение двух лет (с 1957 по 1959 гг.) Подкомитет по обследованию изучения России с помощью крупнейших центров советоведения и наиболее авторитетных «специалистов по России» работал над оценкой изучения СССР в США в послевоенные годы и определением задач в этой области на будущее. По мнению составителей отчета, было крайне важно: 1) дальнейшее накопление знаний о России, формирование и проверка общих теорий развития общества и культуры при царизме и при Советской власти; 2) сохранение и усовершенствование учебных институтов и программ, готовящих специалистов в данной области; 3) усиление внимания к изучению России в средних и не специализированных учебных заведениях; 4) подготовка учителей, обладающих общими, разносторонними знаниями о России; 5) дальнейшее развитие и расширение научных контактов и обмена с Советским Союзом; 6) подготовка к созданию профессиональной организации, отвечающей требованиям возрастающих масштабов и функции этой отрасли науки; 7) распространение научных знаний о России среди широких кругов населения с помощью различных средств общения»⁶⁴.

⁶¹ «The Economist», March 26, 1960, p. 1205.

⁶² «Bertrand Russell Speaks His Mind», London, 1961, p. 147—148.

⁶³ «Journal of Central European Affairs», October 1959, p. 299.

⁶⁴ «ASER», October 1959, p. 427.

Трудно возразить что-либо против каждого из этих пунктов. Как будто внешне все правильно: и накопление знаний о нашей стране в США, и улучшение изучения ее в средней школе, и развитие научных контактов с советскими учеными можно лишь приветствовать. Но отразились ли эти рекомендации на характере и содержании исследовательской работы по истории СССР в США, сделали ли они более достоверными «научные знания о России», распространяемые «среди широких кругов населения»? Ознакомление с американской советоведческой литературой за последние годы свидетельствует о том, что коренных изменений не произошло, и это не удивляет — ведь в каждое приведенное выше положение буржуазная наука США вкладывает свое содержание: «накопление» и «распространение знаний о России» означает изучение СССР и воспитание американцев в духе антикоммунизма. Именно этим целям верно служило и служит американское буржуазное советоведение.

